

ТАЙНЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

АНАТОЛИЙ МАКСИМОВ

ПЕРЕМИРИЕ МЕЖДУ СССР И ТРЕТЬИМ РЕЙХОМ

ИЛИ «МЦЕНСКАЯ ИНИЦИАТИВА» СТАЛИНА

Анатолий Борисович Максимов
Перемирие между
СССР и Третьим
Рейхом, или «Мценская
инициатива» Сталина
Серия «Тайны военной истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18379036

Перемирие между СССР и Третьим Рейхом, или «Мценская нициатива»

Сталина / А.Б. Максимов.: Алгоритм; Москва; 2016

ISBN 978-5-906842-49-7

Аннотация

До недавнего времени информация о предполагаемых переговорах руководства СССР с верхушкой Третьего рейха относительно перемирия в феврале 1942 года была недоступна. Автор книги решил разработать эту «проблемную тему», задавшись не столько вопросом о факте переговоров, сколько выяснением цели распространения информации о их подготовке и проведении, обстоятельств «Мценской инициативы» Сталина, прологом к которой стала знаменитая операция спецслужб «Снег». В ходе блестяще проведенной операции «Снег» была

отведена угроза ведения войны на два фронта: Япония ввязалась в заранее проигранную войну с США на Тихом океане, а части Красной армии и военную технику с Дальнего Востока перебросили на защиту столицы. Провал «блицкрига» под Москвой в декабре 1941 г. заставил союзников пересмотреть своё отношение к гитлеровскому «походу на Восток». Но до открытия Второго фронта было ещё очень далеко, возможно, его бы вообще не открыли, если бы не «Мценская инициатива» Сталина...

Содержание

От автора	5
Предисловие	16
Введение	36
«Сильные мира сего» поставили на Гитлера	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Максимов Борисович Перемирие между СССР и Третьим Рейхом, или «Мценская инициатива» Сталина

От автора

*Целесообразность – это сила, которая превращает возможность в действительность.
Аристотель, древнегреческий философ*

Уже заканчивалось второе десятилетие моей работы в уникальном учебном заведении по подготовке молодых разведчиков. Казалось бы, в тот день в декабре 2002 года очередная лекция по теме «разведка госбезопасности в годы Великой Отечественной войны» не предвещала ничего необычного. И пять минут, отведенные на вопросы слушателей, амфитеатром сидящих передо мной, ожидалась мной с долей нетерпения – это была хорошая возможность расставить акценты в только что освещенной теме.

Однако случилось так, что вопрос чуть ли не впервые по-

ставил меня в тупик, ибо слушатель затронул сверхщепетильный аспект в отношениях двух воевавших держав – Советской России и фашистской Германии, причем он касался поведения непосредственно их лидеров – Сталина и Гитлера:

– Только что вышел двухтомник «Генералиссимус» военного историка, ветерана войны и Героя Советского Союза Владимира Карпова... – сказал слушатель-первокурсник. – В одной из глав он говорит об инициативе Сталина, предложившего Германии перемирие... Это случилось в феврале 1942 года... С участием разведки госбезопасности?

И слушатель спросил:

– Писатель Карпов – весьма уважаемая личность, но почему именно он первым открыто упомянул об этом факте?

Для меня вопрос прозвучал неожиданно. И хотя я знал кое-что о якобы проводившихся переговорах с германской стороной в начальный период войны, фактическим материалом не располагал.

Не в моих правилах было уходить от ответа, но не был я и «сухим начетчиком» в «щепетильных вопросах» советской истории и случаев из жизни разведки.

– Я еще раз полистаю книгу и подумаю над версией Карпова по этому вопросу. И к следующей лекции постараюсь подготовиться к обсуждению, хотя бы вкратце... – коротко пообещал я.

Конечно, через несколько дней, еще раз погоняв мысль

с загадочной версией Героя – фронтового разведчика, я попробовал изложить его мнение на это событие и прокомментировал свое видение проблемы...

В том, что это «проблемная тема», я не сомневался и потому высказал предположение лишь по одной стороне вопроса: если факт имел место, то это была дезинформационная акция с нашей стороны. Причем в адрес верхушки гитлеровского Третьего рейха.

Как мне представлялось, слушатели ответом удовлетворились, хотя в перерыве последовал еще один вопрос: цель дезинформации?

Опыт дезинформационной работы на nive разведки у меня был, ибо не один год я провел в стенах подразделения разведки, занятого акциями тайного влияния в рамках традиций еще с двадцатых годов прошлого века. Да и опыт личного длительного оперативного «общения» с западной спецслужбой у меня также имелся.

Но и слушатели, и фронтовой разведчик, казалось бы, заронили в мою душу «любителя распутывать сложные узоры истории» сомнение. Но особенно душа начала «страдать», когда в руках у меня оказалось «наследие Старого Чекиста-Разведчика» в виде пометок на листке. Позднее эти пометки заставили меня сформулировать цель «распутывания».

Во-первых, «был ли мальчик?» – был ли факт переговоров

либо это только слух-миф о них?

Во-вторых, их направленность: то ли в отношении германской стороны, то ли наших союзников?

В-третьих, как факт этих переговоров мог сказаться на моральном аспекте в отношении антифашизма Советской России, как это могли воспринять наши союзники по антигитлеровской коалиции?

И вот прошло почти десятилетие, за время которого была подготовлена объемная рукопись по истории мастерства российской разведки за тысячу лет становления Отечества и превращения в Великую Державу. Другая – более полно раскрывала работу Отечественной разведки в предвоенный период, в канун и в годы войны. Причем в обеих рукописях вопрос «переговоров с германской стороной в 1942 году» нашел некоторое отражение... на уровне версии.

Правда, там лишь шла констатация факта, а не глубокое обоснование этого столь загадочного случая, в котором советская сторона и лично И. В. Сталин, казалось бы, выглядели не в лучшем свете. Но Сталин поручил вести переговоры разведке госбезопасности, а это уже по моему «профилю».

Так случилось, что для меня наступило новое беспокойное время погружения в очередное «расследование» с целью понять истоки действий всех занятых в войне сторон и на их основе осмыслить «факт переговоров о перемирии».

Зачем? Чтобы попытаться разобраться, что происходило в германско-советском противостоянии в 1942 году: до пе-

реговоров в феврале, в момент их проведения, после них – в последующее время войны. И еще потому, что за это время я потерял коллегу, единомышленника в вопросах истории разведки и друга по жизненному пути – Старого Чекиста-Разведчика. Именно его листок с пометками о «переговорах о перемирии» основательно (как он и предсказал в последние дни своей жизни) растревожил мою душу...

* * *

Все мы родом из детства, но для поколения автора – в детстве была война...

Не потому ли для автора, ставшего профессиональным военным, события военного детства навсегда завладели всем его сознанием и прошли «красной нитью» в его профессиональной судьбе – флотского офицера, военного контрразведчика и разведчика.

Говоря о разных явлениях в жизни автора, правильно было бы акцентировать внимание на судьбе его выбора, столь свойственного для мятущихся натур его поколения.

И действительно, автору, сыну геолога и учительницы, с раннего детства пришлось познать жизнь на Кавказе и Украине, на Севере Уральских гор с тайгой и тундрой. За годы окончания десятилетки Подмосковье подарило автору Юношескую спортивную школу и аэроклуб, а замечательный город на Неве приобщил к истории Государства Российского

в бытность его пятилетнего пребывания в военно-морском училище инженеров оружия.

...Случилось так, что многолетняя работа в разведке завершилась в ее оперативной части с переходом в когорту тех, кто готовил будущих разведчиков. И здесь выбор автора, после выхода в запас, в конечном счете пал на преподавание истории разведки госбезопасности. Ему удалось увлечься тысячелетней историей этой службы: было подобрано, изучено и описано около трехсот событий из жизни разведки за время выхода Руси и России, Российской империи и Советской России на международную арену.

Кроме специзданий «по теме», автор вышел на книжный простор страны, и к 2010 году в арсенале его рукописей оказалась целая серия из десяти книг в рубрике «Записки чернорабочего разведки». И среди них – «Разведка Великой Отечественной».

Казалось бы, почему столь большое внимание у автора к работе разведки в годы войны? Потому, что автор с семилетнего возраста впитывал в себя все, что связано с войной. Шла война, и эхо ее звучит в душе автора по сей день нескончаемым потоком воспоминаний. Тем более что подзаголовком к этой рукописи стало: «Нетрадиционный взгляд на мастерство разведки советской госбезопасности». И хотя бы потому, что это был взгляд не с позиции «разведка и война», а с акцентом «война и разведка», и, значит, на полях шести-

сотраничной рукописи нашла широкое освещение ее военная составляющая.

Вроде бы эта объемная рукопись истощила писательские силы автора, но... не освободила автора от чувства беспокойшей его неудовлетворенности. Ибо за рамками последней рукописи осталась некая недосказанность об одной чрезвычайно таинственной акции советской стороны – *попытке в начальный период войны вести переговоры с Германией о перемирии*.

Во время работы над рукописью по военному периоду истории разведки автора стала преследовать мысль, которую высказал еще в VI веке до н. э. китайский полководец в своем военном трактате: «Умный найдет выход из экстремальной ситуации, а мудрый не допустит ее». Это была реакция на извечный вопрос: почему германские войска оказались у стен Москвы? И потом – вот эти переговоры?!

Однако, освободившись от забот с последней рукописью, автор понял, что она так и не удовлетворила его любопытство в указанном вопросе. Но она подвигла его разобраться с мыслью военного теоретика Никколо Макиавелли: «*Ничто не делает полководца более великим, как проникновение в замыслы противника*». Ибо в то трагическое военное время у нашего Отечества были и враги, и весьма неустойчивые временные союзники – они же постоянные противники не только Советской России, но российской государственности как таковой.

Советская сторона не заблуждалась в предвоенные годы, в канун и с началом гитлеровской агрессии, когда Россия истекала кровью: Отечество не имело настоящих союзников. И мы должны были бы ценить всех, кто протягивал нам руку помощи либо просто был на нашей стороне.

И мы ценили, и значит, само понятие *«переговоры о перемирии с Германией в начале 1942 года по инициативе И. В. Сталина»* (Владимир Карпов), казалось бы, должно было встретить у автора сильнейшее неприятие даже мысли об этом факте. Но так было до тех пор, пока...

Впрочем, все по порядку.

А порядок был таков. Из сотен удачных и ярких своей полезностью Отечеству действий во время войны автор остановил свое внимание на трех моментах: во-первых, «блицкриг» германской военщины не состоялся, ибо помешала Красная армия; во-вторых, победная Битва за Москву, и мир воспрянул духом: фашистов можно бить; и в-третьих, переговоры о перемирии с Германией.

За время работы над рукописью мысль автора многократно возвращалась к весьма высокой оценке совершенно-го Красной армией, военным командованием, руководством страны и советским народом в Битве за Москву: это был *«первый реванш»* для всех стран, воевавших против Германии. Но если с провалом «блицкрига» и «первым реваншем» все было достаточно ясно, то сам факт возможности переговоров наводил на размышления в связи с отсутствием сопут-

ствующих им подробностей.

«Первый реванш» способствовал расширению антигитлеровской коалиции и росту движения Сопротивления в странах, страдающих под сапогом гитлеровского солдата. В тылу немецких войск на временно оккупированной советской территории все сильнее бушевал огонь народного гнева. Однако...

Война – явление столь многогранное, что каждый из ее участников видит события из «своего окопа»: глава государства и древнекитайский мыслитель, советский маршал и разведчик, историки спецслужбы и гитлеровский министр. Отрывочно их взгляды на войну выглядят так: «следить, чтобы не пошли с Гитлером», «это не просто победа», «хорошо работающая разведка», «информация стратегического значения», «достаточно для его отражения», «война проиграна».

Не раз я вчитывался в тексты карточек с афоризмами мыслителей, философов, военных, разведчиков, политиков. И, конечно, перед глазами была столь значимая своей глубиной мысль Конфуция, древнекитайского мыслителя из VI века до н. э.:

«Находясь перед угрозой вражеского вторжения, следует прибегнуть к обману, которого может оказаться вполне достаточно для его отражения».

Но истинное понимание этой мысли автор начал осознавать, лишь когда она была воспринята в триаде – «блицкриг», «первый реванш» и «переговоры». Фактически от-

куда-то из глубины души пришла попытка констатации того факта, что указанная «триада» выглядит своеобразным «военно-политическим айсбергом Мировой войны». Итак, «блицкриг» и «реванш» – эти два явления войны поддаются количественному и качественному обсчету. А вот «переговоры»?!

Еще раньше автор рискнул углубиться в историю нашего Отечества – Руси и России, Российской империи и Советской России. Это означало, что далекое и не столь давнее прошлое должно было подсказать ответ на недавнее настоящее из жизни страны в годы Великой Отечественной войны, причем в его трех ипостасях – политической, экономической и военной.

И помогла мне в этом замечательная личность – мой многолетний спутник по волнам истории нашего Отечества и ее славной составляющей – истории разведки госбезопасности.

Приходилось прояснять то, что часто искажалось, а временами подвергалось сознательной лжи недоброжелателями и недобросовестными обладателями пера. Приходилось при этом искать общие заветы, характерные для разведчиков всех поколений разведывательного труда – русского, российского и советского.

Благодаря встрече в это время со Старым Чекистом-Разведчиком автор встал на тропу вселения в души будущих разведчиков бесконечно верной мысли: они продолжатели дела всех прапраразведчиков на пользу тысячелетней Рос-

сийской государственности.

Это время было богато общением с коллегами, часто неординарными в нашей профессии. Но эта встреча...

Примечание. Как это уже не раз случалось, «запальным устройством» для автора в его очередном увлечении «с пером и бумагой» становились весьма скудные сведения. Так и эту рукопись он затеял, имея всего несколько интригующих намеков на «таинственные переговоры о перемирии».

Растревожили его душу по этой «проблеме» писатель-фронтовик Владимир Карпов и вопрос слушателя на лекции, а окончательно вовлекла в «тему» записка-призыв поработать над ней Старого Чекиста-Разведчика.

Ну не мог автор противиться мысли Николая Коперника: «Живому уму достаточно немного увидеть и услышать, для того чтобы потом долго рассуждать и многое понять». Ведь этот призыв преследует автора с глубокого детства – со школы, военно-морского училища, спецкурсов госбезопасности, при работе в контрразведке, разведке, в учебном заведении службы...

Предисловие

Наследие старого разведчика

Средоточием нравственности является долг.
В. А. Сухомлинский, русский и советский педагог

Еще не притупилась боль от потери Советской Родины, и автор не смог вывести свою растревоженную душу из лабиринтов заблуждений разливающейся мутным потоком псевдодемократии. Судьба оказалась в это щемящее безысходностью время снова добра к автору – удалось увлечься историей отечественной разведки на фоне исторических событий Государства Российского за тысячу лет. И только с годами, когда мутная волна разорения нашего Отечества под лозунгом «приобщения к западным демократиям» замедлилась, стал понятен тот факт, что для автора углубление в историю его профессии разведчика явилось спасительной миссией.

На этом пути длиной в полтора десятка лет работа над историей разведки не раз приносила личные открытия, которые согревали душу своей полезностью в оценке особенностей событий из разных периодов существования Государства Российского. На этом фоне значимым явлением стала попытка проникновения в глубины жизни разведки в годы Великой Отечественной войны, в один из наиболее трагических периодов нашей истории.

Когда готовилась рукопись по тысячелетней истории российской разведки, не так-то легко было решиться выйти в свет с новой трактовкой истории русской, российской и советской разведки. И все же, почему нужно высказаться и обосновать новое видение жизни отечественной разведки под углом зрения: история разведки госбезопасности в свете становления ее мастерства в X – XX веках?

Как это случается, активная профессиональная работа заканчивается, и тогда встает вопрос о месте приложения накопившегося опыта сотрудником спецслужбы в новых условиях. Довольно часто профессионала в чем-либо судьба приводит на преподавательское поприще. Цепочка занятий «профи – преподаватель – занятие историей» выглядит естественной связью поколений на службе Отечеству. На определенном этапе трудовой жизни профессионал становится частью истории службы – крохотной каплей либо искрой?! В чем связь? Во времени – через людей. А в разведке – через разведчиков, агентов, операции. А это – факты, эпизоды, события...

Судьба преподавателя привела автора к работе с историей разведки далеко не случайно. Он пришел на службу во флот в начале пятидесятых и позднее в органы госбезопасности. В начале тревожных девяностых произошла встреча двух поколений, которая определила окунание автора не только в атмосферу истории разведки, но в тысячелетнюю историю Государства Российского. В конечном счете появились руко-

писи, последняя из которых – о разведке на войне.

Именно – «через людей»... На стыке двух столетий – XIX и XX – русский историк Дмитрий Харитонович так оценил роль людей в истории:

«В реальности существуют люди... Нет политической истории, есть история людей. Нет экономической истории, есть история людей, что-то производящих и обменивающих. Нет истории городов, есть история горожан...».

И в рукописи о разведке на войне затронуты судьбы более шестидесяти разведчиков в свете их профессиональной полезности интересам Отечества. И кто-то из них оказался доверенным первого лица в государстве – Сталина – в его тайном контакте с германской стороной... в переломный момент после успешной Битвы за Москву?!

Благодаря встрече в это время с неординарной личностью Старого Чекиста-Разведчика, автор встал на тропу поиска нетрадиционных взглядов на мастерство разведки советской госбезопасности. А углубление в историю страны военного периода подвигло автора взглянуть на ее работу в рамках «война как фон работы разведки в тесном контакте с усилиями дипломатии в помощь военным действиям».

Во-первых, автор исходит из положения, что Советский Союз – это один из периодов существования Государства Российского с его убедительной историей становления в Великую Державу: от Руси и России до Российской империи и Советской России.

Во-вторых, истоки Второй мировой войны зародились после окончания Первой мировой, и советская сторона отслеживала, вскрывала и противостояла ее подготовке и участию в ней Запада на всем предвоенном пространстве, в канун германской агрессии и в ходе ее отражения.

В-третьих, предлагается рассматривать деятельность советской стороны и ее разведки в военные годы через призму нескольких общих, но устойчивых признаков, характерных для оценки степени помощи в организации военных действий на советско-германском фронте и отношений с союзниками по антигитлеровской коалиции.

В-четвертых, автор заостряет внимание на «триаде» событий – провале германского *«блицкрига»*, поражении немцев под Москвой как факторе *«первого реванша»* в Мировой войне и загадочных *«переговорах»* с Германией о перемирии в начале сорок второго года.

Анализируя «триаду» событий, автор пытается показать, что в контактах советской стороны с германской решалась задача с целью укрепления антигитлеровской коалиции и придания ей необратимого характера в условиях последующих событий по ликвидации фашистского государства.

Именно такой подход позволил широко обсудить со Старым Разведчиком военную составляющую диады «война и разведка».

...Одним из первых электропоездов я доехал до платформы «Сенеж», что по ленинградскому направлению. Через полминуты ноги уже сами несли меня по залитой утренним солнцем песчаной проселочной дороге к белевшим крышам в километре от станции дачными участкам.

Дорога бежала чуть вниз вдоль кромки леса и делала на своем пути два поворота, от одного из которых открывалась даль пшеничного поля, упиравшегося в лесной массив с прожилками березовых и сосновых стволов. В глубине поля, в его дальнем углу, чуть-чуть виднелся неровной конфигурацией крыши дом, приземисто сидевшего на земле. Его украшала массивная кирпичная труба.

Уже не раз этот дом властно привлекал своей одинокой таинственностью. И потому думалось, что необычность положения дома, вернее всего, несет в себе и необычную судьбу и его появления, и его обитателей, рискнувших хотя бы ненадолго оторваться от «цивилизованного мира шести соток».

И вот однажды я оказался у ворот этого привлекательного дома. Затем была мимолетная сценка общения незнакомых друг другу людей, которая за считанные секунды настроила их на волну доброго душевного спокойствия. И как-то само собой хозяин – Старик увлек меня к грубо сработанной бре-

венчатой избе, к резному крыльцу.

Присмотревшись, я узрел перед собой крепко скроенного, среднего роста, с весьма легкой для его лет походкой и скупыми жестами, уверенного в себе человека. Его просторная одежда, как я теперь обратил внимание, – хорошо постиранная роба флотского покроя – выцвела почти до белизны, и лишь местами просматривался ее первоначальный синий цвет.

«Ого, – подумал я, – парень-то из флотских». И сразу же пришло в голову: уж не моя ли тельняшка так расположила его ко мне? Как стало ясно позднее – и она тоже.

Поле бугром уходило в сторону наших дач, за которыми гребенками перемежались с полями колки березовых рощ. И над всем этим – низко сидящее солнце, уже не такое жаркое и яркое. И густая тишина, не нарушаемая даже уходящими в сон птицами.

И вот мы у резного крыльца. Старик жестом пригласил присесть на ступени, которые были до блеска вымыты, как говорят во флоте: «надраены торцом с песком».

– Уж не по-флотски ли вы драите палубу своего «корабля-избы»?

– Точно. С песочком... – охотно откликнулся Старик. – Это у меня еще с флотской службы... лет сто назад.

Так, двумя-тремя вопросами, опираясь лишь на три синие полоски моей тельняшки в вырезе ковбойки, Старик пригласил меня к разговору о моем и затем о его прошлом. Это был

наш русский человек с его добрым отношением к людям и, как я понял позднее, добросовестным отношением к делу, за какое бы он ни брался. Смеркалось, а уходить не хотелось. Два далеко не молодых человека думали каждый свою думу. Мне представлялось, что вот так он, возможно, привечает прохожих, а может, и нет. Но его искренность в общении и сиюминутная доброта говорили о чем-то неординарном в этом явно сильном характере, особенности души которого хранились где-то глубоко и потаенно.

Мы встали и двинулись к воротам, молча и спокойно, как уходят люди, давно знающие друг друга. Мы насытились этим коротким гостеприимством и вели себя как люди, понимающие друг друга без слов.

Я пожал Старику руку, получил в ответ крепкое рукопожатие и короткое: «Василий Михайлович». Всматриваясь в загорелое русское лицо нового знакомого, я с удовольствием ответил: «Анатолий Борисович». И больше ничего – ни слова, ни жеста. И так было ясно – мы понравились друг другу.

Казалось бы, и двадцати слов не было сказано, но меня влекло к Старику, к его уверенной в себе крепости духа, столь малозаметной пока. Его личность точно завораживала меня. Чуть ли не все дни после первого визита я перебирал в памяти скупые впечатления об этом неожиданно появившемся в поле моего зрения человеке.

Профессиональная привычка из малых сведений о человеке пытаться прогнозировать его «портрет» не давала мне

покоя. Итак, он – из флотских, возможно – офицер. На вид ему лет семьдесят – можно выстроить биографию, если исходить из его года рождения, например, 1922... Но как же быть с краснофлотцем? В канун войны ему было бы всего семнадцать лет? Значит, ему семьдесят три – семьдесят пять. Тогда он мог еще до войны начать служить, года с тридцать восьмого... На большее у меня фантазии не хватало.

И случилось так, что однажды, еще до полудня, я оказался у решетчатых ворот усадьбы Василия Михайловича. И через несколько минут мы крепко пожимали друг другу руки. Взяв под локоть, он повел меня куда-то вокруг избы. Там, скрытая со стороны поля оградой, а от ворот – избой, в углу усадьбы ютилась беседка, опять же из бревен, бурно обвитых диким виноградом.

Молча хозяин подвел меня ко входу в беседку и, пропустив вперед, помог проникнуть в затененный листьями полумрак своеобразного кабинета – другого названия этому месту невозможно было дать: массивная, натурального темно-коричневого цвета сосновая столешница, ручной работы грубо сделанные массивные стулья, в двух из четырех сторон низкие крепко скроенные полки-стеллажи, приставной столик с печатной машинкой и широкая лавка все из той же темной сосны. Над столом – старая, с медным колпаком, висячая керосиновая лампа, а на одном из столбов – хищно изогнутая «хоботом» ее электрическая подруга.

Василий Михайлович молча наблюдал мою реакцию на

его рабочее великолепие. А я не мог сдерживать эмоций – все это впечатляло своей обстоятельной организованностью, столь милой мне самому.

– В таких условиях просто невозможно не писать! – не скрывая своего восхищения, молвил я. – Что греха таить, балуюсь пером и... печатать люблю на простой машинке, избегая электронных новшеств...

А владелец этого рукотворного богатства широко улыбнулся и поинтересовался, чем это я «балуюсь».

– Главным образом по делам службы, но и кое-что для души... Хотя и по линии той же службы... – с пафосом ответил я, вызывая тем самым Василия Михайловича на беседу о нашем прошлом.

И он вызов принял.

– Вы – кадровый военный? – испытующе глядя на меня, спросил он.

В такой ситуации темнить трудно, да и нужно ли это? Вопрос был поставлен прямо, и отвечать нужно было либо обстоятельно, либо кратко.

– С пятьдесят второго, – молвил я и тут же сам спросил: – А вы – не из флотских? Роба на вас уж больно приметная, рубаха явно матросской кройки...

– Было в моей жизни и это. Задел мою душу флот на всю жизнь. Ведь моя первая образовательная школа началась именно на флоте... В тридцать седьмом...

Еще несколько секунд – и мы могли бы отлично понять

друг друга через флотские корни. И такой шанс я не упустил.

– Какое ваше «БЧ» – боевая часть на корабле?

Василий Михайлович расцвел и, крепко взяв меня за плечи, ответил, что его боевое заведение было в «БЧ-4» – служба связи.

– Хотя, как это было принято на флоте в то время, освоил еще специальности по боевым постам другим – минно-торпедному и артиллерийскому... В наше время это было нормой – быть специалистом по смежным постам. На средних кораблях всегда так было, а я служил на миноноске... А ваше «БЧ»? – спросил Василий Михайлович, видимо, не сомневаясь в моем флотском прошлом.

Мое «БЧ» было связано с артиллерией. А о себе он уточнил: с флотом и «БЧ» пришлось расстаться из-за войны.

– Мое «БЧ» – служба связи – привело меня на берег... В годы войны мне пришлось готовиться в особой школе, для нужд работы в тылу немцев...

Что-то подсказывало мне, что этот человек из нашей «конторы» – из госбезопасности. Одно слово, его ответ в пару слов – и все станет ясным. Я решился:

– РАШ? Гридневка?

Мой собеседник не сдержал удивления, а я понял, что расчет был верным: Гриднев – генерал в той самой РАШ – Разведывательной школе НКВД, причем в годы войны. Ему было чему удивляться – в глухом углу встретить человека, возможно, коллегу, знакомого со школой из его боевой юно-

сти?!

Здесь, «на краю земли», оба мы излучали духовную близость. И последовавший затем поток знакомых имен лишь убеждал каждого из нас в том, что мы – одной крови, мы – чекисты. Да, он был из разведки.

Я мог раскрыться перед Старым Разведчиком хотя бы потому, что уже был упомянут в обширной статье в связи с одной операцией против западных спецслужб. И еще потому, что официально стал членом правления Ассоциации ветеранов внешней разведки с ее четырехтысячным коллективом. И, как бы называя пароль для дальнейшего общения, глядя в глаза собеседнику, я представился:

– Капитан первого ранга в запасе, ветеран флота, военной контрразведки и разведки, внешторга...

Реакция его была несколько странной – без удивления. Минуту он прохаживался двумя-тремя шагами по крохотному пространству беседки и бросал на меня задумчивые взгляды.

– Но откуда вы знаете имена людей из того, теперь уже далекого времени?

– С этого года занимаюсь историей... А вы бываете на Дзержинке? На встречах чекистов-разведчиков? – перешел я в наступление.

Лицо Старого Разведчика потемнело – он напрягся, и я почувствовал, что затронул какую-то личную струну, отягочающую его жизнь.

– Мне туда нельзя... Не положено... Запрещено, – решительно отрезал коллега. – Это табу на общение с коллегами не будет снято с меня никогда... Для всех – меня нет в живых...

Вот так-то, подумал я. Поворот событий то ли с плюсом, то ли с минусом. Но не мог же я ошибиться – он был нашим человеком по работе и по духу!

– Историей занимаетесь, говорите, историей? – прервал мое задумчивое созерцание его персоны Старый Разведчик. – Историей вашей и... моей службы. А ведь история находится здесь, в этой беседке и избе. И еще – в Москве...

Вопросы готовы буквально были выплеснуться из меня. Я должен был задать их. Задал и получил четкие ответы.

– Появление в моем окружении нового лица, естественно, должно было меня насторожить, – говорил Старый разведчик, – ибо так нужно для дела, которому я служил, а вы служите сегодня. Без особого труда я узнал ваше имя от людей из правления дачного поселка... А далее – «дело техники»... Краткие сведения о вас оказались у меня, правда, кроме вашей занятости в Академии разведки...

Вот это да! Значит он – из нелегалов? Иначе откуда такая оперативность?

– Ну, Василий Михайлович, обскакали вы меня на повороте... – деланно удивился я.

– Не гневайся, Анатолий, – переходя на «ты», молвил Старый Разведчик. – Все эти «процедуры» лишь ускорят воз-

можное наше сближение...

Откровение за откровение, и я согласился:

– Как мне представляется, нас объединит история... Если я, как начинающий историк, буду допущен к вашему «историческому богатству», – указал я на полки с книгами, журналами и бумагами.

Так началось мое многолетнее «плавание по волнам» русской и советской истории с ее тысячелетним прошлым, в том числе в делах разведки...

За годы общения Старый Разведчик помог мне отойти от простейшей формы подачи материала по истории разведки («история фактов») и перейти на более высокий уровень интерпретации фактов под углом зрения «истории становления мастерства разведки». И это понятно: историком я был условным – как разведчик с опытом работы в «поле» и преподавания, но без спецобразования в исторических делах. Потому изначально меня в учебном курсе истории разведки волновало стойкое желание в подаче фактов следовать хронологии.

Как говорил Василий Михайлович: «В разведке мы привыкли оперировать фактами и реже выходили на рядовом уровне к анализу и обобщению». От него я впервые получил достаточно четко сформулированную мысль, уже ставшую для меня тревожной: история разведки может стать полезной для понимания сложного явления, коим она может

быть, если ее деятельность удастся увязать с многовековой историей Государства Российского.

– ...Ибо факты беззащитны, если их не поддерживают люди, – однажды подвел итог нашим беседам Василий Михайлович. – А люди смогут сделать это тогда, когда исторические факты из жизни страны и разведки будут подкреплены фактами их полезности Государству Российскому...

И потому напрашивался вывод: во всю тысячелетнюю историю политики Российского государства на международной арене одновременно с жизнью страны шла деятельность разведки с ее специфическими, но повторяющимися из столетия в столетие приемами работы. Тогда мы со Старым Разведчиком сформулировали следующее: *если были внешнеполитические цели у нашего Отечества, то были и задачи в интересах их реализации, которые решались с активным участием разведки.*

Родившись в двадцатые годы прошлого века, Старый Разведчик через несколько лет после нашей встречи, уже в новом столетии и тысячелетии, ушел из жизни. До последнего дня он был в сознании и однажды, в один из весенних дней, не проснулся. Он оставался верным долгу чекиста-разведчика до последнего дыхания. Может быть, потому его правдивая душа ушла в иной мир без телесных страданий.

Незадолго до кончины Василий Михайлович передал весь свой архив мне, взяв с меня слово завершить обработку материала под углом зрения мастерства разведки с качествен-

ной оценкой ее деятельности в конкретных внешних интересах Российского государства.

* * *

В одну из последних встреч с Василием Михайловичем, когда все говорило о том, что конец его жизненного пути близок, он слабеющей, но все еще действующей рукой передал мне потрепанную папку и голосом с нарушенной дикцией сказал:

– Это – мои мысли... очень глубокие... об истоках войны... Я бы сказал так: о фашизме, о войне, о Западе... Они повязаны одной веревочкой... кровавой и позорной...

В руки ко мне перешла выдавшие виды пухлая папка. На ней было выведено крупными буквами несколько слов. Причем было заметно, что эти слова многократно обводились – что случается, когда человек над чем-то усиленно думает. А пока слова резко выделялись на фоне каких-то ранее сделанных карандашных пометок.

– Возьми... сохрани... разберись... Найди возможность опубликовать... Лучше всего тогда, когда... с Запада пойдет очередной вал... обвинений в наш адрес... Будут говорить, что мы, советские, развязали... эту войну... Когда наши псевдодемократы... наши местные... начнут нечестную кампанию уравнивания... фашизма и коммунизма...

Я озадаченно смотрел в глаза Старого Разведчика. А он,

почувствовав мое недоумение, тронул мою руку и промолвил:

– Поверь мне, так и будет... А эти тридцать листов – готовый ответ им, «пятой колонне» Запада... Это... это... – рекви-ем... пятидесяти миллионам жертв прошлой Мировой войны...

Чуть передохнув, Василий Иванович продолжил уже более окрепшим голосом:

– Мы-то с тобой понимаем, что эти... держа-вы не оставят наше Отечество... в покое... Для нас бескровная Третья мировая война уже завершилась... Ведь нет Союза... Государство Российское превратилось... в удельные княжества бывших республик...

Ветеран перевел дыхание, помолчал и продолжил:

– Теперь силы Запада направлены на слом нынешней России... распыление ее на множество национальных уделов...

Василий Михайлович начал успокаиваться и некрепким рукопожатием отпустил меня. Указывая на папку, он только покачивал головой в знак доверия ко мне в этом щепетильном вопросе. И уже вслед мне попросил:

– Как и ранее – никаких ссылок на мое имя... Никаких... Почему – ты знаешь... – Действительно, я знал его обоснованное желание «не высовываться», ибо того требовала его профессия нелегала за рубежом и даже в своей стране.

И уже в дверях он остановил меня, и по его несколько загадочной полуулыбке я понял, что он чем-то хочет меня оза-

дачить. И не ошибся:

– Ты бы и сам понял, но хочу тебя предупредить, что на странице двадцать для тебя приготовлен сюрприз... – Василий Михайлович перевел дыхание и добавил: – Это заставит тебя потерять... спокойствие не на один месяц... может, даже на годы... Но это – сладкая мука... Ею мы заразились с тобой еще там, среди полей станции Сенеж...

Выйдя от него, я думал о неординарной судьбе Человека, Гражданина, Офицера, Профессионала и яркого Патриота до последнего часа жизни. На ум приходили слова ученого – героя фильма шестидесятых годов в исполнении актера Николая Черкасова: «Все остается людям...»

И как бы в доказательство этой мысли я взвесил на руке легкую папку с наследием Старого Чекиста – ветерана войны и разведки. Очередное наследие!

Ознакомился с содержимым папки сразу, придя домой. И оно меня озадачило...

Три слова на обложке папки всю дорогу до дома жгли мою голову: «Фашизм, война, Запад». Когда я развязал тесемки папки и заглянул вовнутрь, то увидел стопку здорово потрепанных листов рукописного текста. И я понял, что мой коллега по службе и в делах с рукописью по истории разведки много работал над этими страницами, строками, словами, ибо весь текст был испещрен пометками, подклейками...

И еще подумал, что наскоком эту рукопись не обработаешь – нужно время... Первый лист особенно отличался множеством помарок, подклеенными полосками с выписками... Чем, собственно, и интриговал.

Но главное – на ней, на этой странице, просматривались попытки Ветерана, видимо, найти заголовок к рукописи. А о том, что он возвращался к нему неоднократно, говорил и разный почерк, и разные чернила, и несколько его вариантов. Вот они:

«Запад породил фашизм и затем войну» (зачеркнуто);

«Фашизм и война – порождение Запада» (зачеркнуто);

«Трагическое детище Запада – фашизм и война» (зачеркнуто).

Тут же пометка: «А где указание на ответственность Запада за них?». И потом – еще: «Фашизм породил Запад и ответственен за войну» (зачеркнуто).

И наконец, крупно: «ЗА ФАШИЗМ И ВОЙНУ ОТВЕЧАЕТ ЗАПАД», а в скобках: «цена этому – жизни 50 миллионов».

Полистав рукопись, я понял: требуется тщательное восстановление текста. И потому не раз я возвращался к заветной папке, но текущие дела с очередной («к 65-летию Победы») рукописью не давали мне сесть за стол и приступить к работе. Правда, кое-что в эту «юбилейную» рукопись поместить удалось.

...Прав был Ветеран: в моих руках оказался листок-памятка на указанной им странице. Прав и в том, что эта памятка не оставила меня в покое на годы и подвигла на новую рукопись.

Что же так встревожило меня? Всего несколько фраз, но какого взрывного содержания: *«Предложения германско-му командованию»: «...прекратить военные действия. Объявить перемирие до 1 августа 1942 года...»; «...СССР к концу 1943 года готов будет начать военные действия с германскими вооруженными силами против Англии и США»; «...вести совместные боевые наступательные действия в целях переустройства мирового пространства...».*

И еще личная пометка Ветерана: «попросить переговорить с Карповым о его книге „Генералиссимус“ – откуда материалы?» (Мне представляется, и читатель поймет: сколько тревожного принесла эта пометка рукой Ветерана?! Сделана она была, вернее всего, после 2002 года, когда вышел двухтомник Владимира Карпова о И. В. Сталине.)

Но все же полностью я смог доработать рукопись Ветерана («Фашизм. Война. Запад»), когда трудился над новой работой – на тему пока необъяснимо загадочных переговоров И. В. Сталина с Германией о перемирии в самый начальный период войны.

А доработав, ужаснулся тому факту, что рукопись Старого Разведчика с его государственным подходом к нашей истории Отечества и Разведки могла... не оказаться в моей по-

следней рукописи, которую читатель сейчас держит в руках. Это было как раз то, чего не хватало в ней для целостного восприятия времени и событий, включая факт «загадочных переговоров» (правда, автор допустил некоторую «вольность», подразделив рукопись на четыре раздела, подобрал к ним эпиграфы и некоторые разъяснения к заголовкам разделов по мере подготовки текста).

Итак, далее наследие Старого Разведчика – «За фашизм и войну отвечает Запад!».

Введение

За фашизм и войну отвечает Запад

«Сильные мира сего» поставили на Гитлера. – Политика изоляции СССР. – «Пакт Риббентропа – Молотова». – Восточный фронт Германии

...Но когда мы сейчас в Европе говорим о новых землях, то мы можем в первую очередь думать только о России...

Гитлер. «Майн кампф». Мюнхен, 1936

Политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны, – следовательно, превращение ее в мировую войну.

И. В. Сталин. Март 1939 года

Правительства нацистской Германии, фашистской Италии, Англии и Франции подписали мюнхенское соглашение... Франко-советский пакт – краеугольный камень коллективной безопасности в Европе – был похоронен... Перед гитлеровскими полчищами широко открылись ворота на Восток.

М. Сейерс, А. Канн. «Тайная война против России». 1946.

Крупнейшим международным событием в последствиях Второй мировой войны явился процесс в Нюрнбергском трибунале над гитлеровскими преступниками.

Но еще летом 1946 года правительства США, Англии и Франции договорились между собой об опубликовании захваченных в Германии архивных материалов германского МИД за 1918–1945 годы.

И публикации начались. В начале 1948 года американским госдепартаментом был выпущен в свет сборник донесений и различных дневниковых записей бывших гитлеровских дипломатов под весьма таинственным заголовком «Нацистско-советские отношения 1939–1941 годов».

И вот что характерно: материалы, относящиеся к предыдущим годам и, в частности, к мюнхенскому периоду, в сборник госдепа оказались не включенными, а значит, скрытыми от общественности. И чтобы оправдать в глазах общественного мнения одностороннее опубликование этого тенденциозного материала на основе непроверенных и произвольно подобранных записей гитлеровских чиновников, в англо-американскую прессу была продвинута версия о том, что будто бы «русские отвергли предложение Запада совместно опубликовать полный отчет о нацистской дипломатии».

Итак, в этой недобросовестной игре выявилось: заявление западной стороны не соответствовало действительности (это – во-первых).

Что случилось на самом деле? Летом 1945 года в Англии началась подготовка к опубликованию трофейных документов, захваченных в Германии. В этой работе советская сто-

рона хотела принять участие с целью тщательной и объективной их проверки. Однако английская сторона советское предложение отклонила, посчитав преждевременным обмен копиями захваченных документов.

В сентябре 1945 года под предлогом подготовки нового предложения по проекту обращения с германским архивом и документами для государств, входящих в ООН, англичане и американцы объявили: старый проект считается недействительным и вопрос с повестки дня в ООН снимается.

И снова заявление бывших главных союзников по антигитлеровской коалиции об отказе советской стороны в работе над германским архивом оказалось ложным (это – во-вторых).

Круг замкнулся: факт появления сборника «Нацистско-советские отношения 1939–1941 годов» послужил началом хорошо организованной кампании по фальсификации обстоятельств заключения в 1939 году между СССР и Германией пакта о ненападении, якобы направленного против западных держав.

И здесь заметным оказался тенденциозный след: цель Запада – фальсификация истории и роли в прошедшей войне Советского Союза, который вынес на своих плечах основную тяжесть борьбы с гитлеровской агрессией.

Так что же не соответствовало действительности, явилось ложным, было отклонено и скрыто от общественности бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции?

«Сильные мира сего» поставили на Гитлера

Когда началась Вторая мировая война. – Кто породил гитлеровский режим. – Безучастное участие великих держав

Запад в лице США, Англии, Франции фактически с первых мирных дней активно начал внедрять в сознание граждан Европы (да и всего мира!) впечатление, будто реальная германская агрессия, вылившаяся во Вторую мировую войну, началась с осени 1939 года, с 1 сентября – трагической даты нападения на Польшу.

Но ни тогда, в первые мирные годы, ни тем более сегодня в такую «сенсацию» не могли поверить: кто не знает, что Германия начала активную подготовку к войне сразу после прихода Гитлера к власти (1933)? Кто не знает, что гитлеровский режим был создан германскими империалистическими кругами, причем с полного одобрения и прямой экономической помощи правящих деятелей Англии, Франции и США?

Подготовка к войне имеет несколько этапов, и среди них обеспечение страны новейшим вооружением. Это означало: Германия должна была восстановить и развить свою тяжелую промышленность и ее военную составляющую. Но надежды на свои силы в этом вопросе не было. Страна была

скована условиями Версальского договора, навязанного поражением в Первой мировой войне.

И демилитаризованная Германия получила для военного преобразования мощную поддержку, прежде всего от США. Именно американские банки, с согласия правительства Америки, вложили в германскую экономику миллиарды долларов и предоставили будущему Третьему рейху кредиты в послеверсальский период. Причем львиная доля их пошла на развитие военно-промышленного потенциала страны.

Для Германии был создан «план Дауэса», при помощи которого США и Англия рассчитывали поставить германскую промышленность в зависимость от американских и британских монополий. Так, с 1924 по 1929 год прилив иностранного капитала составил 20 миллиардов марок долгосрочного и краткосрочного вложения (причем американского 70 процентов).

Известна роль в финансировании германской тяжелой индустрии со стороны американских монополий, связь которых с германскими промышленниками не прекращалась даже в годы Второй мировой войны. Это семьи Дюпон, Морган, Рокфеллер и другие.

Вот только один пример: американская «Стандарт ойл» после мюнхенского сговора (1939) заключила договор с германской «И. Г. Фарбениндустри», согласно которому последний имел прибыль от произведенного в США авиабензина. Но американской концерн взамен не стал вывозить из

Германии свой синтетический бензин, а это уже вело к накоплению запасов для военных целей.

Итак, Мюнхен и поглощение Германией Чехословакии. Не дремали деловые отношения между Британией и Германией. Военное значение имели соглашения Федерации британской промышленности с германской имперской группой. В общем заявлении говорилось (Дюссельдорф, 1939): целью соглашения является «стремление обеспечить возможно более полное сотрудничество промышленных систем их стран». Потому в отношении этой дюссельдорфской сделки лондонский журнал «Экономист» писал: «Нет ли в атмосфере Дюссельдорфа чего-то, заставляющего разумных людей терять рассудок?».

Характерными примерами тесного переплетения американского и германского капиталов, а также английского, может служить участие в них магнатов Рура – Германского Стального Шлема, Тиссена, Шредера с их деловыми центрами в Нью-Йорке и Лондоне. С помощью таких «переплетений» в экономику Германии текли огромные капиталы.

И тогда, к 1930 году, иностранный долг Германии увеличился более чем на 30 млрд марок, а германская промышленность была основательно модернизирована с уклоном в военные отрасли для перевооружения армии.

И что потом? Случилось так, что золотой дождь американских долларов и английских фунтов оплодотворил будущую тяжелую промышленность гитлеровской Германии и ее

военную составляющую. Именно так был воссоздан германский военный потенциал, и в руки Третьего рейха было вложено оружие будущей агрессии. А это – первоклассное вооружение, тысячи танков, самолетов, артиллерийских орудий, военно-морских кораблей новейшего типа...

Не потому ли Запад ведет отсчет началу Второй мировой войны с 1939 года? Это ли не попытка уйти от ответственности за свою политику вооружения агрессора? Политику, которая привела к появлению на нашей планете феномена такой войны и невиданной еще в истории военной катастрофы, стоившей человечеству десятков миллионов жертв.

И вот итог. Первой и важной предпосылкой пестования германской агрессии стало возрождение и обновление тяжелой промышленности и военной индустрии Германии в силу прямой и широкой поддержки правящих и деловых кругов США и Англии.

Другим решающим обстоятельством, содействовавшим развязыванию гитлеровской агрессии, явились безответственные шаги правительств Англии и Франции, которые известны как политика «умиротворения» гитлеровской Германии: политика пренебрежения коллективной безопасностью, политика потакания агрессивным требованиям Третьего рейха и политика отказа от отпора германской агрессии.

Что говорят факты? Гитлер пришел к власти, и английское и французское правительства в Риме подписали «Пакт

согласия и сотрудничества» четырех держав – Англии, Германии, Франции и Италии. Так состоялся первый официальный сговор с германским и итальянским фашизмом. Тем самым фашизмом, который уже тогда не скрывал своего пренебрежения западными демократиями в своих агрессивных намерениях, опираясь при этом на собственные идеологические и партийные документы.

Такой сговор можно было расценивать как удар по делу обеспечения мира и безопасности европейских народов, и не только их. Причем этот сговор случился в обход остальных держав – участниц проходившей тогда конференции по разоружению, на которой обсуждалось советское предложение о заключении пакта о ненападении.

Получается так, что «сговор четырех» фактически торпедировал возможность создания коллективной безопасности, столь необходимой не только советской стороне, но и народам Европы. Теперь можно с большой долей вероятности предположить, что это были первые шаги Запада по направлению германской агрессии на Восток, с конечной целью – Советской Россией (трудно отрицать такое тем, кто хорошо был знаком с «библией фашизма»).

Следующим шагом и серьезной брешью в здании коллективной безопасности стал германско-польский пакт о ненападении, который фактически был детищем Англии и Франции (1934). Гитлер использовал польскую враждебную позицию в отношении СССР и достиг этим пактом своей цели:

разобщить силы коллективной безопасности, переведя их в режим двухсторонних соглашений.

1935 год принес Германии множество поблажек в плане открытого восстановления вооруженных сил страны. И... никакого возражения со стороны англичан и французов. Наоборот, появились англо-германские соглашения (двусторонние) о значительном восстановлении германских военно-морских сил с процентами соотношения тоннажа для подводных лодок в «пользу» англичан – всего 45 % (это потом уже будет многократное превосходство адмирала Дёница над английским подводным флотом и у Германии появятся «Бисмарк», «Тирпиц» и другие линкоры-монстры). «Под шумок» этих поблажек Германия в одностороннем порядке ликвидировала другие ограничения на рост вооружений.

От слов к делу: итальянская интервенция проявилась в Абиссинии. Германия помогала агрессору вооружением, снабдив итальянцев современными отравляющими веществами. Запад скромно помалкивал, и только Советский Союз последовательно проводил политику мира, решительно выступая против такого акта агрессии. В Лиге Наций советский глава НКВД говорил: «...итало-абиссинская война показывает, что угроза мировой войны все более нарастает, все больше захватывает Европу».

Все предвоенное время Советский Союз вел настойчивую и длительную борьбу в одиночку с позиции Лиги Наций за сохранение и укрепление коллективной безопасности. Кон-

кретные меры советской стороны встречали активное противодействие членов этого международного органа, и под руководством правительств Англии и Франции (под беззвучные аплодисменты Гитлера) благие намерения СССР были похоронены в архивах, так и не получив никакого движения.

Это уже был открытый отказ от коллективного отпора германской агрессии. Становилось понятным, что англо-французские правящие круги считают: удовлетворив германские агрессивные устремления уступками на Западе, можно было направить агрессию на Восток и использовать ее в качестве орудия против СССР.

В марте 1939 года в отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б), объясняя причины усиления гитлеровской агрессии, И. В. Сталин говорил:

«Главная причина состоит в отказе большинства неагрессивных стран, и прежде всего Англии и Франции, от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессору, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию „нейтралитета“».

Фактически задолго до формального начала мировой войны в международных делах выстроились две политические линии – борьба за мир на условиях коллективной безопасности и отказ от организации коллективной безопасности как шага по противодействию агрессивным планам фашистских государств.

Надо ли подчеркивать, что такой отказ неизбежно поощ-

рял фашистские страны к усилению их агрессивной политики – и, как следствие, мир скатывался к развязыванию новой мировой бойни.

Вот печальный вывод с трагическими последствиями. Помощь США в короткий срок способствовала созданию военно-экономической базы германской агрессии и вооружила ее (во-первых), отказ англо-французских правящих кругов от коллективной безопасности расстроил ряды миролюбивых сил и разложил единый фронт этих стран против агрессии (во-вторых), политика «невмешательства» вылилась в реальную политику «безучастного участия» (в-третьих) – что, собственно, и расчистило дорогу для гитлеровской агрессии и, можно считать, вместе с Гитлером развязало Вторую мировую войну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.